

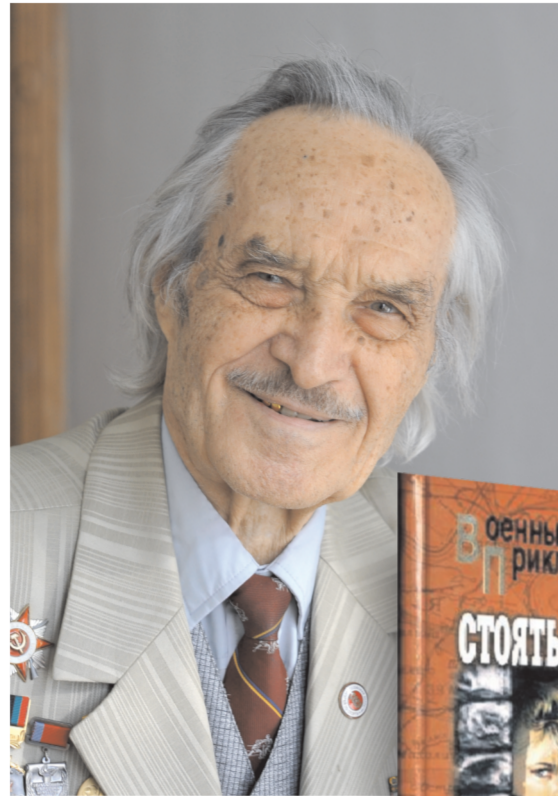
Владимир ФЁДОРОВ

Ринг в квадрате листа

Громкий перечень титулов Свиридова можно продолжать долго. Но главное в том, что все его произведения востребованы и вызывают неистощаемый читательский интерес. Самый знаменитый роман «Ринг за колючей проволокой», написанный более полувека назад, не только регулярно переиздается в популярных книжных сериях, но и совсем недавно его печатала из номера в номер газета «Красная Звезда». Она же следом опубликовала роман «Чемпион Флота». А буквально в последние весенние месяцы, словно в подарок геологам к их профессиональному празднику, в серии «Сибиряда» издательства «Вече» вышли книги «Тайна чёрной горы» и «Охотники за алмазами».

Эти произведения попали мне в руки и по-настоящему захватили ещё в те времена, когда только-только закончил геологический факультет, но теперь они были перечитаны вновь с нескрываемым удовольствием. И удовлетворением от того, что писатель не только по-художественски ярко и выпукло изобразил своих героев, но и ни разу «не прокололся» в глазах профессионала, рассказывая о достаточно закрытой для большинства людей жизни геологов в полевых партиях, к тому же наполненной специальной терминологией, особыми знаниями. Когда я сказал об этом Георгию Ивановичу, он не без гордости усмехнулся: «Вот и министр геологии так же отозвался. Даже полшутя заметил, что "Тайну чёрной горы" можно рекомендовать студентам-геологам как учебник. А всё потому, что, собирая для неё материал, я месяцами жил в дальневосточной тайге в самых дальних поисковых партиях. Вот и не пришлось ничего высасывать из пальца, да и персонажи выросли из реальных личностей. Впрочем, как и герои всех моих остальных романов».

И это действительно так. Работая в жанре, который требует, казалось бы, самых невероятных и фантастических выдумок писателя, Свиридов умудрялся каждый раз нахо-

дить своих героев в реальной жизни. «Надо только смотреть вокруг зорче», — раскрывал он свой простой секрет. Более того, практически каждая книга автора становилась для её прототипов своего рода охранный грамотой, дружеским плечом или даже трамплином, возносящим ввысь. Так, в инициативном, смело идущем на риск и новации начальнике партии из «Тайны чёрной горы» Евгении Казакоском (настоящая фамилия — Козловский) Свиридов сумел разглядеть будущего министра геологии СССР и нынешнего вице-президента Российской академии естественных наук. Главной героине «Охотников за алмазами» Ларисе Попугаевой, которая открыла метод поисков алмазов и обнаружила первую кимберлитовую трубку в Сибири, но была незаслуженно «отодвинута» при распределении наград, выход романа помог вернуть славу первооткрывателя. И Фарман Далманов (в реальности — будущий Герой Социалистического Тру-

да Фарман Салманов) из «Открытия века», вопреки всему и всем сумевший получить первый фонтан нефти в Сибири, после выхода книги тоже обрёл полную сатисфакцию. Так было и с самым первым романом Свиридова «Ринг за колючей проволокой», написанным в качестве дипломной работы на пятом курсе Литинститута в 1960 году. Как я упо-

минал, в молодости Георгий Иванович был мастером спорта, чемпионом Средней Азии. Приехав известным уже боксёром и на-

чинающим писателем на очередной республиканский турнир с друзьями по команде — узбеком Закировым и немцем Гельманом, — он, естественно, приходил на все их поединки как зритель. И в финале тяжёловесов стал свидетелем жестокого избиения Гельмана неким Андреем Борзенко, который за три раунда отправил своего соперника в нокаут целых девять раз! Свиридов, не удержавшись, вслух парализовал такой напористости Борзенко, но кто-то из стоящих у ринга прокомментировал: «Да что ему твой немец, он не таких немцев в концлагере бил!» Из этой фразы и родился роман. Оказалось, Андрей Борзенко и впрямь был узником Бухенвальда, где, полугодный, в беспощадных поединках на ринге отправлял на пол одного за другим достаточно известных и хорошо подготовленных боксёров-немцев. Тем самым он не только поднимал дух российских узников, но ещё и немало помог подпольному штабу по подготовке восстания: во время боёв внимание всего лагеря было сосредоточено на ринге и можно было незаметно пронести в тайник оружие или собрать командиров боевых групп. Во всяком случае, Бухенвальд оказался единственным лагерем, где заключённые смогли освободить себя сами до подхода советских войск и войск союз-

ников. Этот роман, наряду с чуть ранее вышедшей «Судьбой человека» Шолохова и «Брестской крепостью» Смородина, произвёл целый переворот в умах, показав, что люди в плену, в глубоком немецком тылу тоже могли бороться с захватчиками и становиться настоящими героями. Сразу после выхода книги Георгия Свиридова пригласили на радиостанцию «Юность», где он в течение нескольких месяцев развивал эту тему, получая мешками письма от бывших узников и возвращая им добрые имена, а порой и жизнь. Только в первый год роман был переиздан трижды массовыми тиражами и прочитан фактически всей страной. Имя Андрея Борзенко стало легендой. А в следующем романе «Джексон остаётся в России» Свиридов отдал должное своему тренеру с американскими корнями, бывшему профессиональному боксёру, оставшемуся в России после Первой мировой войны. В годы репрессий, когда за одну такую фамилию могли расстрелять, Сидней Луи Джексон уехал в Узбекистан и, что называется, не высовываясь, официально работал дамским портным, а в свободное время потихоньку тренировал ребятшек. Интересно, что до Свиридова он воспитал ещё одного будущего известного романиста и Героя Советского Союза — Владимира Карпова. А затем, не без помощи романа «Выйдя из подполья», на волне хрущёвского оттепели стал заслуженным тренером СССР.

Георгий Свиридов хорошо понимал таких людей, поскольку сам был родом из донских казаков и оказался в Средней Азии отнюдь не случайно. Его отец до революции дослужился до офицерского звания и за отличия в боях получил Георгиевский крест. Когда от всех потребовали сдать царские награды, он отказался отдавать свой крест. За что и был расстрелян как «враг народа». А всю семью сослали в Узбекистан. В город Намаган, который ещё хранил славу столицы басмачества. Конечно, маленькое казачество больно-то нравилось подросткам потомкам басмачей, поэтому дрались на улице приходилось часто. Отсюда и потянувшая боксёрская тропка Свиридова, выведшая его затем на самый Олимп этого вида спорта.

Продолжение следует

Иван САВЕЛЬЕВ

Фундамент по имени Жизнь

Тут ни убавить, ни прибавить... Так это было на земле... А. Твардовский

На какие только фундаменты ни умудрялись ставить свои дома — повести и романы — писатели середины XX века, сколько обойм из хороших и средних писательских имён ни создавали лукавые критики, — но самые талантливые из прозаиков словно выламывались из обоймы, как прясто выламывает неожиданно налетевший ураган где-нибудь на бескрайних просторах Архангельщины

Фёдора Абрамова начали планомерно, хладнокровно и цинично изолировать от читателей после его блестящей и очень неудобной для властей повести «Вокруг да около», посвящённой брату писателя Михаилу, «рядовому колхознику», как подчёркивает сам автор в посвящении. Но, по счастью, ещё жив был Александр Твардовский, был журнал «Новый мир», им редактируемый и публиковавший Фёдора Абрамова. Эпос Фёдора Александровича (романный цикл «Пряслины» — прим. ред.) рождался постепенно: он вырос из его блестящих очерков, рассказов и повестей, которые, кстати, автор продолжал писать и во время работы над тетралогией. Он создал превосходные, проникновенно тонким лиризмом, но вместе с тем с прежней социальной направленностью произведения, среди них его шедевры в малом жанре: повести «Деревянные кони», «Пелагея», «Алька», «Безотцовщина», «Жила-была Семушка», рассказы «Последняя охота», «Сосновые дети», «В Питер за сарафаном», из мозаики которых выплывают живые картины народной жизни и народных характеров. Романная проза Абрамова лишена красот, писатель даже скуп в образных средствах, поэтому каждое неожиданное слово, к месту поставленное, высвечивает, как камешек, обмываемый незамутнённым лепетом речью. Долго, долго движется романное время Фёдора Абрамова, став в сюжете настолько осязаемым и живым, что и само является, наравне с Михаилом Пряслиным, центральным героем тетралогии. Оно, время, проходящее размеренным, но часто спотыкающимся пряслинским шагом от «Братьев и сестёр» через «Две зимы и три лета», «Пути и перепутья», устремляется к «Дому» — вершине абрамовского эпоса, и само

мукает вместе с Михаилом, который находит в себе, наконец, силы и мужество признать свою большую неправоту в отношении Тимофея Лобанова, бывшего военнопленного, а посему, в понимании Михаила, — почти изменника. Прожить со своими героями четверть века и не устать от них, а главное — не потерять к ним интереса, одаривая читателей всё новыми поворотами в их судьбах, — это тоже мужество писателя. Значит, было заложено в Анне, Михаиле и Лизе Пряслиных, в Егорше, в Анфисе, в Петре Житове и Лукашине, в первом секретаре райкома Подрезове, коего подрезала сама власть, нечто такое, что давало воздух не только им, таким разным и противоречивым, но и самому Фёдору Абрамову, ибо из каждой его фразы, замешанной так густо, сочится кровь писательского сердца. «Народная правда выше любой правды», — утверждает автор. И это поняли даже непримиримый к поступку Лукашина Пётр Житов, который сначала не стал подписывать письмо в защиту председателя: «Есть закон — в хлебопоставки никакой раздачи хлеба. Так что арестовали его по закону». Но не идёт

он против мнения народного и не только подписывает письмо, но и добавляет: «Член ВКП(б) с 1941 года». Из таких деталей, а, по сути, из главных, непридуманных черт характера и лепится писателем человеческая личность, потому и доверяет читатель абрамовским героям. Особенно тот, кто сам не понаслышке знает жизнь народную. Пряслинская завязь зачиналась в Пекашине, — между столбами-вехами (а первый столб надёжно поставил Ваня-сила, отец Михаила, не вернувшийся с войны), где сами годы руками баб, оставшихся во время войны без мужиков, отшлифовали сучковатые жерди, и пролегли эти прысли уже не между столбами изгороди, а между бабскими заголовками в печали сердцами. Их отогревал, как умел, Михаил Пряслин, ибо больше никому было в Пекашине отогреть вдовье бабье сердце, так как никто из пекашинцев более Михаила не понимал, сколь тяжко было бабам впрягаться в плуг, косить сено под приглядом строгого райкома, чтобы где-то на дальнем — ближе к лесу да болоту — покосах, под кустами, не были спрятаны одинокие стожки сена для их коровенок — кормилиц семьи.

И придут к Михаилу Пряслину (уже в конце романа «Дом», которым завершается тетралогия Фёдора Абрамова) — через тридцать лет, уместивших всю жизнь героя, — слова отца Ивана: «Сынок, ты понял меня? Понял?», и выветят они давнее, никогда в нём не умиравшее, но жившее как бы отдельно от него и ждавшее своего часа. Это давнее — известие о гибели на войне отца Ивана; та сцена, написанная со щемящей тоской в «Братьях и сёстрах», в одну ночь превратила мальчика в юношу; Мишка метался, не зная, как помочь маме, которая уже задыхалась в своей неотвешаемой печали: «Он смотрел на неё, — пишет Фёдор Абрамов, — и слёзы текли по его лицу. Никогда он не задумывался, какая у него мать. Мать как мать — и всё тут. А вот она какая — маленькая, худенькая и всплывает во сне, как Лизка. А возле неё по обе стороны рассыпанной поленицей ребятишки: белоголовая Татьяна, с протянутой к груди матери рукой; Лизка с распущенным, посившим лицом — эта всё понимает; Петья и Гришка, прижавшие друг к другу; толстощёкий, разогривший во сне Федюшка». И понял Мишка, превратившийся вмиг в Михаила, что он теперь заменит им отца, и ни в какой детдом их не отдаст. «Потом ему припомнилось, — пишет Абрамов, может быть, самую ключевую сцену тетралогии, — жаркое летнее утро. Отец в чёрной сатиновой рубаше — он как сейчас видит эту чёрную, лоснящуюся на солнце рубашку — размашисто колет у крыльца дрова. Рядом мать с поддойником, управившая: «Попей хоть молока на дорогу...» А слёзы так и катятся по её лицу. Внезапно утреннюю тишь резануло бабскими вскриками и причитаниями, затарахтели телеги. Мать, расплескивая молоко, кинулась в избу. Отец втянул топор в чурбан, прислушался. Потом долго глядел на Мишку и наконец тихо сказал: «Пойдем-ка, сынок...» И вот они в огороде, за амбаром. Отец опять глядит на него, хочет что-то сказать. Но в это время из-под крыши амбара выпорхнул воробей. «Гнёздышко! — зашептал Мишка. — Давай я слазаю». «Не надо...» — поморщился отец. «Иван, Ваня... Где ты?» — это мать. Отец встал, махнул рукой и пошёл к дому. У калитки он круто обернулся, привлёк к себе Мишку и, заглядывая ему в глаза, спросил: «Ты понял меня?.. Понял, сынок?»

Что же он хотел сказать? Что? Мишка так и заснул, не найдя ответа». В молчании, в недосказанности отца и был ответ, что Михаил поймёт потом, прожив жизнь, — поймёт сердцем, всем своим жизненным опытом. Дом — вот что удержало его на земле; в Доме как символе земного прибежища и хранилища тайна слов отца, так и не произнесённая словами. А та сцена связала слово всех близких пекашинской семье любой: и Анфиса Петровна появилась поддержать Анну, и Степан Андреевич освободил её от работы, а перед уходом сказал: «Там в мешке я мучки принёс». Та сцена вспомнится и Анфисе, которая, зная, что Анна взяла с гумна зерно, чтобы дети могли поесть, смогла уговорить Мишку, возматерив против матери, не покидать дом: «Ничего, ничего, Миша, — успокаивала его предсудательша. — Всё пройдёт, пройдёт это... А как кончится война — вот заживём... Дома выстроим новые, в каждом доме корова, овцы будут... и хлеба — сколько хошь хлеба. А на работу-то как на праздник выходить станем. И ты — большой, сильный, как отец... И Лизка вырастет. И ребята вырастут. Да как востером на пожню выйдете... Целая бригада Пряслиных. А сейчас ты им заместо отца — понимаешь?». Всё понял Мишка, и три десятилетия спустя всплыл в непотухающей памяти папкины слова, давшие ему второе дыхание, чтобы был не только прочней его пекашинский Дом, но прочнее становилась и почва жизни, а с этой почвой и Лиза почувствовала его — надёжное, братское, без кого её жизнь тоже могла лишиться опоры — духовной и материальной, — той опоры, без которой никакой Дом не спасает человеческого сердца.

В год завершения «Пряслиных» Фёдор Абрамов написал повесть-исповедь «Деревянные кони», поставив духовного памятник женщине-крестьянке Русского Севера и её Дому — не России ли самой, олицетворённой в этом прочно срубленном Доме о четырёх померенных «с сенями светлыми, с лестницей на крыльцо», да ещё «с клетью, да с двумя саженымь семь в длину», — словом, Дом Мелентьевых уходил в самое небо не по лестнице, а по левещице, по которой восходил и будет восходить во веки вечные в небо дух народный — необываемый и творческий.